

Бледнов И.Ф., Бледнов I.Ф., Blednov I.F.

ЛЕРМОНТОВ. ФИЛОСОФИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

ЛЕРМОНТОВ. ФІЛОСОФІЯ ХУДОЖНЬОЇ ТВОРЧОСТІ

LERMONTOV. PHILOSOPHY OF ARTISTIC CREATION

В данной статье автор обращает внимание на осмысление философских идей М.Ю. Лермонтова, становление его личности и творческого метода.

Ключевые слова: творчество, моральные идеи, духовность, философия, романтизм, реализм, идеал внутренней свободы.

У даній статті автор звертає увагу на осмислення філософських ідей М.Ю. Лермонтова, становлення його особистості та творчого методу.

Ключові слова: творчість, моральні ідеї, духовність, філософія, романтизм, реалізм, ідеал внутрішньої свободи.

The author of this article pays attention to comprehension of philosophical concepts of M. Lermontov, formation of his personality and creative method.

Key words: creation, moral ideas, spirituality, philosophy, romanticism, realism, ideal of inner freedom.

Ржавеет золото, и истлевает сталь
Крушится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней царственное Слово.

А. Ахматова

Наше тревожное время каким-то непонятным образом отстранившее исторически сложившиеся формы нравственности, а точнее, ограничившее их регуляторную функцию, породило необходимость философского анализа развития прошлого опыта моральных качеств человека, его социально-нравственных ориентиров.

Мы всегда с восхищением будем относиться к идеям гуманистической направленности человечества, развитию его творческих способностей, конструктивным и поисковым формам решения человеческих проблем.

Трудности понимания и решения нравственных вопросов всегда были объектом философских раздумий. Казалось бы, к миру, который осмыслен, переиначен и переделан, трудно что-то новое, значащее добавить. Человека охватывает тоска, когда он все это осознает. И все же, и все же, всматриваясь в созданную культуру, осмысливая ее, люди способны порождать новые идеи, оригинальным способом передавать образное видение мира, его структурообразующие начала.

История умственного развития человечества свидетельствует: опыт нравственного развития человека, оценка его жизни не ограничивались логическим выводением учений мыслителей, а часто был направлен на понимание психологического развития идей, поиск идеала внутренней свободы личности. Вспомним трагические судьбы Сократа, Джордано Бруно, Галилео Галилея, Бориса Пастернака, Андрея Сахарова, Владимира Эфроимсона и многих других известных людей.

Философский анализ идей нравственного развития человека, совершенствование его природы разрабатывают античные мыслители. Обобщающий итог этих рассуждений анализирует немецкий философ Генрих Гомперц. В фундаментальном исследовании «Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы» он детально исследует развитие человеческого духа в идеях наиболее значимых античных мыслителей, давших теоретическое обоснование развитию греческой цивилизации [5]. Данная работа интересна не только с позиций истории, но и поучительна в плане понимания современного состояния общества.

Зрелая часть моей жизни связана с преподаванием философских дисциплин на кафедре философии НГУ. В лекционных курсах, семинарских занятиях, индивидуальной работе со студентами приходится непосредственным образом касаться сложнейших, неоднозначно-решаемых социально-этических, философских, педагогических вопросов.

В данном изложении материала я хотел бы обратить внимание нашей размышляющей молодежи, во многом талантливой, где-то юношески беспечной, а иногда и бескомпромиссной, на осмысление философских идей М.Ю. Лермонтова, становление его личности и творческого пути.

Полагаю, обращение к его творчеству, содержательной стороне его философских суждений, его судьбе, в определенной мере касается и затрагивает сокровенные интересы молодежи. Именно в юношеском возрасте он достиг всестороннего развития своих способностей. Вовлеченность молодежи в самостоятельный анализ его творчества, даже прочтение его лирических стихов позволит, на мой взгляд, избежать ошибочности суждений и действий, расширить горизонт видения мира, утвердиться в силе собственного

ума, развить в себе самостоятельность мышления, определить нравственно-оценочный план жизни. Поверьте, – это немало.

Философское осмысление творчества писателя, его жизненной позиции позволит проникнуть в понимание человеческой души, задуматься над своей судьбой и «характером» времени. Эту цель – приобщить молодежь к прекрасному, загадочному миру лермонтовского творчества и тайне его судьбы ставит перед собой и читающим автор.

Обращение к тайне творчества, его жизнеосмысленческим принципам действия дает фундаментальную основу для понимания становления личности, развития творческих способностей.

Есть что-то загадочное и великое в его творчестве, не поддающееся ни рассудку, ни формам чувственности. Есть какая-то таинственность и неразгаданность самой жизни и судьбы этого гениального писателя. В связи со сказанным выше, уместно напомнить суждение А.Ф. Лосева в адрес Платона, которое вполне можно отнести и к М.Ю. Лермонтову о том, что «Платон оказался какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры, и пока нельзя себе представить, когда, как, при каких обстоятельствах и кем эта проблема будет окончательно разрешена» [10, с. 4].

М.Ю. Лермонтов не был обделен вниманием ценителей и специалистов литературного творчества.

Бесконечное число произведений, посвященных анализу его творчества, а также сведения косвенного порядка о его жизни, документальные разыскания дают богатый материал для философских размышлений. И все же, можно уверенно сказать, не приближают нас к постижению тайн его творчества и судьбы.

Разнородность материала биографического, литературно-критического, документального требует от читающего вдумчивого прочтения и не только в силу того, что авторы исследований дают много противоречивого материала, что в их суждениях о М.Ю. Лермонтове меньше единства мнений, чем разногласий, а потому, что творчество поэта пронизано экзистенциальным содержанием, к тому же часто отягощенное сознательным сокрытием социально-философских позиций поэта, которые определялись во многом общественно-политической ситуацией в стране после восстания декабристов. Все это порождает трудности объективного анализа творчества и судьбы поэта.

Лермонтов поставил большую цель: изменить мир человека в нравственном измерении средствами духовности. Это не каждому под силу. И все же удивляет действенная сила лермонтовских слов, мыслей, идей. Стихи Лермонтова многие люди постоянно читают, находя в них глубинный смысл и мудрость. Процесс восприятия поэзии Лермонтова у Л.Н. Толстого был настолько сосредоточенным и глубинным, что многие стихи, отдельные строфы

и выражения отложились в его памяти навечно. Народная молва гласит, что Лев Толстой будто бы сказал в адрес поэта, что «если бы этот мальчик остался жив, не нужны были ни я, ни Достоевский» [7].

Осмысленное прочтение творчества Лермонтова возвышает человека до уровня космического восприятия мира, преобразует его сознание, пробуждая мысль о вечности порождения. Мы живем в едином духовном пространстве, и Лермонтов нас объединяет.

Природа щедро наградила его разносторонними дарованиями. Он – поэт, художник, наделен музыкальными способностями, которые связаны с поэтическим воображением. Играет на скрипке, флейте. Сам сочиняет музыку. С детских лет знает народные песни, сам хорошо поет, занимается театром, хорошо рисует. Его музыкальность не прошла даром для поэтического вдохновения. Она объясняет нам непостижимую гармонию лермонтовского стиха и поэтической прозы.

В благородном пансионе при Московском университете поэт обучался разным языкам и искусствам: стихосложению, декламации, рисованию. Стихосложению его обучал поэт и переводчик латинских классиков С.Е. Раич. Все эти предметы изучения он активно осваивал, не только слышал, но и внимательно слушал своих учителей, соотносил впечатления с собственным опытом, переживаниями. А этих переживаний у поэта с раннего детства было предостаточно. Именно они питали его творчество.

Творчеством Лермонтова интересовались всегда: в дореволюционное время, после революции 1917 года, интересуются им и сегодня.

Современные литературоведы, на мой взгляд, несколько упрощенно подходят к анализу его творчества: углубляются в поиск фактов жизни, истории написания произведений, не осуществляя в должной мере философско-психологического подхода к анализу. А ведь поэт – не только основатель социально-психологического направления в литературе, но и человек философско-поэтического склада ума. Возможно, в этом кроется секрет его творчества и судьбы.

Его творчеством восхищались Ф.М. Достоевский, Д.С. Мережковский, Б.Л. Пастернак, В.С. Соловьев (хотя и жёстко критиковал его), Л.Н. Толстой, Б.М. Эйхенбаум и многие другие знаменитые писатели.

В течение всей жизни над творчеством Лермонтова размышлял, анализировал, исследовал профессор МГУ, доктор философских наук, историк философии В.Ф. Асмус. Человек энциклопедических знаний, чрезвычайно добрый, снискавший общую признательность студентов и профессорско-преподавательского состава. Он оказывал нравственное влияние на руководство университета, не стеснял умственного развития.

Еще в 1941 году он впервые в статье «Круг идей Лермонтова» ставит вопрос о философских взглядах поэта. Раскрывает облик Лермонтова как «поэта глубокой, напряжённой и страстной мысли» [2, с. 83]. Утверждает, что «вместе с Лермонтовым преждевременно погиб не только ум огромной потенциальной силы, но и первоклассный в потенциале эстетик» [2, с. 128].

К проблеме творчества и судьбы поэта В.Ф. Асмус вновь возвращается спустя много лет. Наполненный возрастом, уже в конце жизни, он снова анализирует его творчество. Видимо, соглашаясь с утверждением С.Я. Надсона, «что не говорите, а лучше Лермонтова нет у нас поэта на Руси. Впрочем, я, может быть, думаю и говорю так оттого, что сам сочувствую ему всей душой, что сам переживаю то, что он пережил и великими стихами передал в своих творениях» [9, с. 7].

К творческому наследию поэта обращались А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, А.А. Гроссман. Всю литературную, научную деятельность, без оговорок можно сказать, Лермонтову посвятил И.Л. Андроников.

Опять, Ираклий Луарсабович,
пошаливает биоритм,
Ваш поздний свет в окошке за полночь
О Лермонтове говорит [4, с. 709].

Пристально всматриваются в творчество и судьбу Лермонтова наши великие современники: Б.А. Ахмадулина, Е.А. Евтушенко, А.Д. Дементьев, царь поэтического слова А.А. Вознесенский.

Творчество Лермонтова раскрывается в двух томах «Литературного наследства», «Лермонтовской энциклопедии», многих литературно-художественных произведениях современности.

Лермонтов смог передать чувства формами поэтической, прозаической словесности. Он не убил живую психологическую реакцию, переживания, которые его волновали. Трепетная, волнующая, непрочная и напряженная связь человека с человеком была передана великим поэтом буквально «телесно».

Куска лишь хлеба он просил
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
Ему в протянутую руку.

Да, да! Живую муку. Попробуй ее выразить словами так, чтобы они действительно возбуждали чувство муки. Это редкостный дар, в котором чувствуются отголоски «детски» чувственного мышления. Этому, на мой взгляд, невозможно научиться. Таким нужно родиться. И в этом понимании Лермонтов – поэт космической силы мысли. Он интуитивно понимал

целостность мира в его разумных основаниях. Эту чудесную силу лермонтовской мысли надо активно изучать, осмысленно использовать знания из биосоциальной природы человека, генетической детерминации его психических особенностей.

Научную разработку этого направления успешно развивал В.П. Эфроимсон, создал направление «Педагогической генетики». По его мнению, два фундаментальных явления лежат в основании этой области: неисчерпаемая наследственная гетерогенность людей и их импрессионг. Известно, родители поэта писали сами стихи, обучением Лермонтова с раннего детства серьезно занимались учителя.

Тетка поэта, М.А. Шан-Гирей, показала юному Мише альбом, в котором были записи и стихи его матери. Он впервые увидел эти строки и был потрясен увиденным. Его мать писала будущему мужу и отцу Лермонтова:

Кто может сердцу быть милее,
Бесценный друг, тебя,
Без воздуха могу скорее
Прожить, чем без тебя.
Всю радость в жизни, утешенье,
Имею от тебя,
С тобой повсюду наслажденье
И мрачность без тебя.

Над стихами матери Миша сидел в раздумье часами. Плакал.

Что такое детское горе? Могут ли это объяснить педагоги, психологи? Рассматривают ли они в своих учениях эти важные вопросы? Каким образом детское горе сказывается на формировании и становлении ребенка? Возможно, здесь кроются тайны характера, секреты творчества. Замечу, в «Частотном словаре языка Лермонтова» 365 раз употребляется слово «слезы», 215 раз слово «плакать», 68 раз слово «горе». [8].

Отец Лермонтова тоже писал стихи. Их экспрессивность, содержательная завершенность заслуживают внимания. Позволю себе полностью воспроизвести здесь это практически забытое стихотворение отца поэта М.М. Лермонтовой:

Я не скажу тебе «люблю»,
Всеобщей моде подражая:
Как часто говорят «люблю»,
Совсем о том не помышляя!
И слово ли одно «люблю»
В себе всю нежность заключает?

Нет, мало говорить «люблю»
Коль сердце то не повторяет,
Кто часто говорит «люблю»,
Тот редко и любить умеет
Иной не вымолвит «люблю»,
А чувством только пламенеет,
Так, я не говорю «люблю»,
Храня молчанье осторожно,
Но верю, так тебя люблю,
Как только мне любить возможно [6, с. 27].

Стихи родителей осмыслились Лермонтовым, волновали его душу, порождали печальные размышления.

Кто из смертных не испытывал в детстве различные чувства? Большинство из них забывались, не проявившись, они не стали инструментом тонкого анализа, свидетельством остроты наблюдения, «сгущенности» пережитого, отправленные в бессознательное, они остались там, пробуждаясь в моменты чтения художественных произведений, просмотра фильмов, служа основой для эстетического восприятия и понимания художественного образа. У Лермонтова эти детские переживания не были забыты. Он был так сформирован психофизиологически. С другой стороны – он постоянно находился в состоянии рефлексии, самоанализа, в поисках осознания мироощущенческих и мировоззренческих вопросов: он научился думать.

Он умел любить, умел переживать, долго и значительно страдать. А жизнь давала ему все новые и новые заботы. Воспоминания надолго оставались в его памяти. Они давали возможность мечтательно манипулировать ими, «переплавлять» их в слова. Вот почему, слово, сказанное поэтом, легко к восприятию, сильно по воздействию; оно из телесности становится словесностью, из словесности превращается в глубокую философскую мысль с явным нравственным смыслом, превращаясь в действие. Относительно способностей пользоваться словом, Анна Ахматова писала: «Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы. Слова, сказанные им о влюбленности, не имеют себе равных ни в какой из поэзий мира... Я уже не говорю о его прозе. Здесь он обогнал самого себя на сто лет и в каждой вещи разрушает миф о том, что проза – достояние лишь зрелого возраста и даже то, что принято считать недоступным для больших лириков – театр, – ему было подвластно» [3, с. 309].

Художественное произведение – это не зеркальное отражение действительности, в противном случае, оно теряет художественную ценность. Направленность познания на предметность не заканчивается предметностью,

ибо в самой предметности есть свойство, которое требует абстрактного уровня понимания, скажем, понимания свойства в предмете, его состояния и так далее. Наш разум отражает не только природу, а и собственные способности. К пониманию этого нужно уже привыкать. С пониманием относиться к идеям, высказанным И. Кантом в «Критике чистого разума».

Художественное творчество не представимо без элементов переживания, осмысления, то есть тех характеристик познания, которые не могут быть без элементов личностного, волевого, субъективного.

Человеческие чувства представляют очень сложные явления и не могут быть представимы только словесными формами предметности, а включают в себя многосмысловые понятия, которые нуждаются в рефлексии и выражают личностное состояние художника, скажем такие как: «грустный», «удивительный», «счастливый», «озабоченный», «умиротворенный» и так далее. В романтический период творчества Лермонтов очень часто использовал эти понятия.

В отличие от предметной деятельности, в художественном творчестве мы имеем ситуацию, при которой субъективное является самодеятельным актом, где формы и содержание создаются *самой продуктивной способностью*. Понимаю, здесь можно получить обвинение в философском субъективизме и даже гносеологическом солипсизме. Скажите, разве скульптор «находит» форму и художественный образ в глыбе мрамора? А не в самой продуктивной способности? Было бы не уместным в связи с таким суждением «наводить» диалектизацию субъективного и объективного в творчестве. Надо признаться: пока мы еще далеки от понимания творческого процесса. И это нужно принять, а не растворять проблему в объективности отражения.

Что значит объективное воспроизведение действительности? Действительность является нам, а ее осознание обнаруживается нашей воспринимающей способностью, которая никак не становится предметом. Отказ от содержательной стороны субъективности восприятия и осознание чреват тем, что, мягко говоря, мы «занижаем» активность познающего. Казалось бы, в философии эта проблема решена, но это вовсе не так.

Для углубленного изучения психологии творчества не следует ограничиваться фундаментальной мировоззренческой установкой на диалектику социального и биологического, а разрабатывать в содержательном плане однопорядковые по значимости категории, к примеру, скажем, такие как «воспитание», «наследственность», «генетическая психология», «импрессионизм» и другие, которые дадут возможность более эффективно использовать психологические и эмпирические знания в творческом процессе, приблизить к пониманию специфики индивидуального творчества.

Видный исследователь творчества Лермонтова Б.Т. Удодов пишет: «Корень заблуждения Л.С. Выготского – в его стремлении (характерном для 20-х годов) построить объективную, «безличную» психологию искусства, в то время как основа эстетической сущности искусства в его «всеобщей» личности» [11, с. 31].

Лермонтоведы 40-50-х годов занимались уяснением принципов историко-литературных подходов к творчеству поэта, оценивали его деятельность, не касаясь его психофизических особенностей. Да это и понятно. Такой подход был обусловлен соответствующими причинами: с одной стороны – рассмотрение творчества осуществлялось с позиций идеологии, диктовалось социально-политическими условиями, с другой, – в силу неразвитости конкретных форм знания, скажем, генетических. Вот как это обосновывал крупнейший литературовед Б. Эйхенбаум. «Мы изучаем историческую индивидуальность, как она выражена в творчестве, а не индивидуальную природную (психофизическую)» [12, с. 144].

Не во всем можно согласиться с Эйхенбаумом. Понимая, что это крупнейший теоретик, все же позволю высказать свое мнение. Оно сводится к тому, что отказавшись от индивидуально-психологического подхода к творчеству, мы как бы «выбрасываем» из аналитического рассмотрения уникальные качества творца, теряем специфику психофизиологических особенностей личности. Скажу, тот сепаратизм методов исследования творчества, о котором говорит Б. Эйхенбаум, может привести к абстрактно теоретической концепции творческого процесса, из которой исчезает творческая индивидуальность. Поиск понимания универсальности творческого процесса, разумеется, необходим, но он явно недостаточен без диалектической включенности в обсуждение проблем творчества биопсихических характеристик личности. В противном случае мы получаем «голую» социальную модель понимания творчества. Думаю, что современная биологическая, психологическая науки готовы обсуждать эти вопросы, создавая стимулы для исследования этих сложнейших, вечных проблем. К такому синтезу комплексных методов исследования ученые готовы. И Б. Эйхенбаум это хорошо понимал, утверждая что «на пути имманентных истолкований мы пришли к тупику, и никакие компромиссы на лингвистической или другой основе, помочь не могут. Мы должны решительно отказаться от этих опытов, диктуемых мирозерцательными или полемическими тенденциями» [12, с. 144]. Но, тонко чувствуя эпоху, он дальше не развивает эту мысль.

Касаясь философии художественного творчества Лермонтова, я не пошел по пути комментирования его произведений – эта работа проделана специалистами, лучше которых сказать, видимо, невозможно. Глубина его

творчества так велика и многогранна, что ее трудно охватить единой мыслью. «Если бы не разразилась пятигорская катастрофа, – пишет Д. Андреев, – русское общество оказалось бы зрителем такого – непредставимого для нас и неповторимого ни для кого жизненного пути, который привел бы Лермонтова – старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа, и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и с трепетом радости» [1, с. 182].

В этом значении Лермонтов живет с нами: в стихах, романсах, музыке, продуктивно возвращая нас к временно пошатнувшемуся интересу к философии. Он заставляет думать, мыслить, переживать.

Духовное влияние Лермонтова пережило его земное существование (бытие) и перешло в имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным, нравственным двигателем и вошло в состав литературно-художественного богатства народов. Для нас Лермонтов – живой, думающий, размышляющий и тоскующий по своей бабушке Елизавете Алексеевне. Но они уже никогда не появятся. Они мертвы. Господи, как не идет им смерть!

Да будет милосердно к ним небо. И пусть примут вечные небеса двоих великих упокоенных, из которых один был наполнен божественной словесной гениальностью, а другая – терпимостью и добротой во всей ее исполненности, к единственному внуку с трагической судьбой.

И страшный чудится мне звук:
Убитый – как распятый.
И что-то близкое в нем есть,
Сравнимое с судьбой Ахматовой.

Литература:

1. Андреев Д. Роза мира [Текст] / Д. Андреев // Новый мир № 2.
2. Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова. [Текст] // Литературное наследство. Т. 43–44 / В.Ф. Асмус. – М.: Издательство АН СССР, 1941. – 826 с.
3. Ахматова А. Я голос ваш. [Текст] / А. Ахматова. – М.: Книжная палата, 1989. – 382 с.
4. Вознесенский А.А. Ров. Стихи и проза. [Текст] / А.А. Вознесенский. – М.: Советский писатель, 1987. – 734 с.
5. Гомперц Г. Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы [Текст] / Г. Гомперц. – СПб: Тов-во «Общественная Польза», 1912. – 309 с.

6. «Дворцы и Усадьбы» [Текст] Еженедельное издание, № 17, Тарханы, 2011. – 31 с.
7. Марченко А. Лермонтов. [Текст] / А. Марченко. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – 606 с.
8. Лермонтовская энциклопедия. [Текст]. – М.: Сов. Энцикл., 1981. – С. 717-774.
9. Надсон С.Я. Полное собрание стихотворений. [Текст] / С.Я. Надсон. – М.-Л.: Советский писатель, 1962. – 505 с.
10. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. [Текст] / Платон. – М.: Мысль, 1990. – 862 с.
11. Удодов Б.Т. Лермонтов М.Ю. [Текст] / Б.Т. Удодов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. – 702 с.
12. Эйхенбаум Б.М. О литературе. [Текст] / Б.М. Эйхенбаум. – М.: Советский писатель, 1987. – 541 с.